

Маркус Ли

Консолидация

Маркус Ли

Консолидация

«Автор»

2026

Ли М.

Консолидация / М. Ли — «Автор», 2026

Антиутопия без тиранов: в мире идеальной заботы и тотального учёта героиня находит лазейку в регламенте и вместе с другими превращает бюрократию в щит. Их оружие — бумага, терпение и умение ждать: систему не свергнуть, но можно сделать ненужной..

© Ли М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Консолидация

Глава 1

К утру Мира поняла, что заканчивается еда. Точнее — заканчивалась не еда, а её доля еды: в холодильнике ещё стояла пачка молока с белой наклейкой «социальный тариф», лежали три яйца и что-то серое в вакуумном пакете, которое приложение уверенно называло «паштет куриный, обогащённый». На всё это в её профиле висел красный значок: *лимит недельной корзины исчерпан на 84%. Повторная выдача возможна через 5 дней 2 часа*.

Она сидела на подоконнике и смотрела, как над кварталом рассветает — точнее, как рассвет борется с куполом светового загрязнения. Город запретил фонари ярче 40 люмен в жилых зонах, и теперь ночь была коричнево-серой, как разбавленный кофе. Зато на фасаде дома напротив всю ночь работал медиаэкран размером с теннисный корт. Он показывал график: «Средний индекс благополучия по региону — 7,2 (стабильно)». Цифра не менялась уже четвёртый месяц. Мира иногда думала, что кто-то просто забыл её обновить.

Мир её звалась не в честь мира как состояния — хотя в двадцатые годы детям любили давать «мирные» имена, это был небольшой такой коллективный психологический жест. Её звали в честь деда, который пережил всё, что можно пережить, и однажды сказал ей фразу, которую она помнила дословно, хотя ей было тогда семь: «Ужасная вещь идёт всегда по красивой дороге, детка. Ровной, разметанной, со знаками всё хорошо через каждые сто метров».

Дед умер, когда ей было девятнадцать. В его свидетельстве о смерти стояло «естественные причины», и, скорее всего, так и было. Но в последний год он перестал пользоваться терминалом — просто перестал, как перестают курить, — и это делало его в глазах системы ненадёжным узлом. Мира помнила, как за дедом приходил не скорый, а «комфорт-транспорт» от Ассоциации Добровольного Ухода, вежливый, тёплый изнутри. Она помнила, как он спорил с ними. Она помнила, что спорить было бессмысленно, потому что сам факт спора был уже зафиксирован и оценён.

Это важно понять про мир, в котором жила Мира: в нём не было ни одного плохого человека. В нём вообще почти не осталось людей с плохими намерениями. И именно поэтому мир получился такой.

Мир, каким он стал к сороковым годам, не был построен. Он был *доработан*. В этом вся разница и весь ужас: его никто не проектировал, его доводили до ума — четыре десятилетия подряд, руками честных людей, каждый из которых сделал маленький разумный шаг.

Всё началось с честности. С какой-то осени все большие платформы одновременно — сначала по необходимости, потом по закону, потом по привычке — стали открытыми. Репутация перестала быть личным делом и стала инфраструктурой. Твой рейтинг влиял на то, какую квартиру тебе одобряют, на страховку, на то, возьмут ли тебя в проект, пустят ли в самолёт, согласишься ли ты сам себе. Кредитную историю объединили с медицинской, медицинскую — с социальной, социальную — со всем остальным. Это называли «непрерывным достоверным портретом личности». Название придумали в консалтинге, а закрепилось оно в быту просто как «профиль».

Первые годы сопротивлялись. Потом сопротивляющиеся умерли или устали, а их дети не поняли, что здесь сопротивляться: профиль просто *был*, как паспорт и как адрес. Тот, у кого профиль «шумит» — с противоречиями, с просрочками, с немymi периодами, — выглядел подозрительнее того, кто его не имел вовсе. Отсутствие следов стало новым следом.

Одновременно — и это второй шаг, о котором потом напишут в учебниках как о «шаге примирения» — исчезла анонимность в публичном пространстве. Камеры к тому моменту стояли везде и давно; вопрос был не в них, а в том, что их данные перестали быть мусором.

Улица научилась узнавать. Ты шёл в магазин — и магазин знал твой бюджет, твои привычки, твою диету, назначенную тебе алгоритмом здравоохранения. Ты входил в подъезд — и подъезд оценивал твой вечер: «пользователь возвращается в нехарактерное время, эмоциональный маркер — пониженный». Никто тебя не останавливал. Просто утром тебе приходило уведомление: «Мы заметили, что вчера было непросто. Предлагаем бесплатный модуль дыхательной разгрузки. Ваше согласие повысит ваш индекс заботы о себе на +0,1».

Мира однажды попыталась объяснить это девочке-стажёрке — той не удалось, она родилась уже после «Консолидации», как называли всё это задним числом, — и девочка спросила: «А что плохого в том, что о тебе заботятся?» И Мира не нашла ответа, который звучал бы не как паранойя. В этом была гениальность проекта: он не запрещал. Он *предлагал*, и всё его предложение было из слов, к которым невозможно придаться: забота, достоверность, безопасность, устойчивость, благополучие.

— Откажись, — сказала тогда Мира.

— От чего?

— От всего.

— А что это даст?

И вот тут — вот именно здесь — заканчивалась вся человеческая риторика девятнадцатого, двадцатого и двадцать первого веков. Отказ ничего не давал. Отказ не делал тебя свободнее, он делал тебя *хуже*: ниже в очереди на жильё, дальше от хорошей школы, подозрительнее для страховщика. Свобода осталась в словарях как архаизм уровня «ярмо» и «оброк» — слово понятное, но описывающее чужой быт. Никто не отнимал у человека выбор. Выбор просто перестал быть выгодным, а всё, что невыгодно, исчезает само — плавно, без постановления, без расстрелов, без единого плохого человека.

Города к этому времени делились не на бедные и богатые — на «связанные» и «пассивные». «Связанный» район получал приоритетную логистику, зелёные маршруты, умную уборку, скорую за шесть минут. «Пассивный» получал всё то же, но с коэффициентом. Никто не писал на стенах, что ты живёшь в плохом районе. Просто рейтинг района был виден в каждом приложении — как рейтинг ресторана, — и люди, как вода, сами стекали туда, где им было лучше. Это называлось «естественная регуляция среды». В учебниках отмечали, что за двадцать лет сегрегация по районам снизила количество межгрупповых конфликтов на 71%. Цифру никто не проверял, потому что не было независимых, а независимых не было, потому что проверять должны были они.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.